

ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ АБОРИГЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ*

Задолго до появления российских переселенцев территория восточной окраины была заселена коренными народами — эвенками, эвенами, гольдами, орочами, гиляками, коряками, чукчами, эскимосами, ительменами и другими представителями аборигенного населения. Между ними существовали сложные этнокультурные контакты, возникшие в процессе многовекового существования и породившие схожие формы семейно-брачных отношений, близкие или похожие способы ведения домашнего хозяйства.

Основой экономической и общественной жизни аборигенов являлась патриархально-семейная община. Большая патриархальная семья состояла из родителей и их женатых сыновей или нескольких братьев с семьями. Совместно с ними проживали престарелые родичи или сироты — дети погибших родичей. Например, среди гольдов встречались семьи, насчитывавшие до 25 человек и жившие в одной фанзе [3, с. 168]. Главой семьи считался отец, после его смерти — старший сын. Если он умирал, то во главе семьи становился следующий за ним брат. Среди женщин господствующее положение обычно занимала мать или жена старшего брата. Наряду с большими существовали и малые семьи. Например, в 1897 году у гольдов Амура малые семьи составляли 57,2% от всего количества семей [2, с. 22].

Среди коренных народов Приамурья получили широкое распространение различные формы полигамии — левират, сорорат и многоженство [4].

Гибель мужчины на охоте или по другим причинам была частым явлением. Вдова, оставшаяся с детьми, нуждалась в защите и помощи. Левират предполагал, что младший брат погибшего или младший двоюродный брат, иногда племянник покойного должен был взять вдову к себе в жены.

Сорорат защищал интересы вдовца и позволял ему получить жену и мать для детей без выплаты калыма. Вдовец должен был жениться на незамужней младшей сестре, младшей двоюродной сестре или племяннице умершей жены. Обычаи запрещали браки вдовцов и вдов со старшими родственниками покойных жены или мужа.

В среде коренного населения Дальнего Востока многоженство возникало по разным причинам: иногда старая жена сама просила привести в дом молодую жену для помощи в ведении хозяйства; часто мужчина брал вторую жену в случае бездетности первой. Многоженство для аборигенов было мерилom богатства.

При всей схожести семейных обычаев и традиций, они несли в себе этническую специфику. Например, среди эвенков, алеутов и чукчей сохранились групповые формы брака, согласно которым мужчина мог жить со всеми женами своих старших братьев и со всеми сестрами своей жены. При этом старший брат не имел права на жен младших братьев. Половая жизнь допускалась строго для представителей одного поколения и была запрещена между представителями разных поколений.

С развитием оленеводства, обособлением хозяйств групповой брак постепенно переродился в товарищество по жене. Мужчины — эвены, эвенки и чукчи закрепляли дружеские отношения посредством передачи своих жен на некоторое время в жены другим мужчинам.

У многих народов Дальнего Востока групповой брак сопутствовал парному браку.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 02-01-00475 а/Т).

Коренных жителей трудно обвинить в безнравственности. Они жили по другим законам, отличным от принятых среди переселенцев из Европейской России. Так, Н. О. Каллиников, изучавший быт и нравы коренных народов северо-востока Российской империи, писал о чукчах: «Проституции в европейском смысле слова между чукчами нет, нет и ревности. Они смотрят на удовлетворение полового чувства как на простое удовлетворение человеческих естественных потребностей» [1, с. 84].

Важнейшим принципом в семейно-брачных отношениях аборигенов являлось стремление к экзогамии, т. е. к ограничению супружеского союза по степени родства. Соблюдение экзогамных норм имело положительный характер, так как препятствовало заключению браков среди ближайших родственников, вследствие чего род не подвергался опасности вырождения через определенное количество поколений.

Нивхи стремились брать жен не из того рода, куда отдавали своих женщин, а из другого. В результате каждый род оказывался связанным родственными узами как минимум с двумя родами. Нивхи предпочитали жениться на женщинах из рода матери. У эвенков брак также носил экзогамный характер. Он разрешался между лицами, носившими одно родовое имя, не ближе семи поколений.

Существовали различные способы, которыми аборигены приобретали жен. Например, эвенки захватывали их в ходе военных действий. Женами становились женщины побежденных врагов, а также женщины, выданные для примирения. Кроме того, получил распространение обменный брак между двумя семьями. Обменивались девушками, поскольку с экономической точки зрения это было выгодно обеим сторонам, так как не платился дорогой калым. Пригатавливались только мелкие подарки.

У всех народов дальневосточного региона России заключались ранние браки. Родители договаривались и по сговору женили малолетних или еще не родившихся детей. Сговоры родителей являлись показателем их заботы о будущем семейной жизни детей. При достижении брачного возраста договор претворялся в жизнь.

При заключении браков на первом месте всегда стояли причины хозяйственного порядка. Личные чувства жениха и невесты отходили на второй план.

Ввиду высокой смертности женщин от болезней и при родах, а также многоженства у аборигенов не хватало невест. Вопрос о будущей невестке родители решали при достижении сыном 4–5 лет.

По этой причине гиляки и гольды выдавали замуж малолетних девочек 8–12 лет, чукчи — 5–7 лет [1, с. 83]. Девочки поселялись в семьях мужей, начинали брачную жизнь по достижению половой зрелости. Иногда дети, нареченные мужем и женой, оставались в своих семьях до наступления половой зрелости. Возраста жениха и невесты они достигали примерно в 14–16 лет.

Ранний брак заключался для того, чтобы женщина за свою жизнь могла родить больше детей. Не последнюю роль играли приобретение для семьи новых родственников и получение калыма. Плата за невесту компенсировала труд уходящей женщины. Например, гольд среднего достатка платил за жену около 250 рублей, отдавал 2 больших чугунных котла и 10 кусков материи [3, с. 149]. Малоимущие туземцы выплатить калым не могли, поэтому они не имели возможности получить жену.

Большинству народов Приамурского края был известен брак путем отработки невесты. Мужчина, желавший жениться, некоторое время работал в доме родителей невесты. Ему поручалось выполнение самых тяжелых работ. Он должен был доказать свою умелость в делах охотничьих и хозяйственных. В случае неудачи на этом поприще его ждал отказ со стороны родителей невесты. У эвенков срок отработки колебался от 1,5 до 3 лет, у коряков — до 5 лет. Если жених удовлетворял всем требованиям, то получал от главы семьи согласие на брак, который был действительным только после окончания отработки.

Взаимоотношения супругов регламентировались обычным правом.

В самом унижительном положении находились женщины у гольдов, считавшиеся существами низшими по своей природе. Разговаривать и советоваться с ними было не принято. Женщины не могли участвовать в общественных делах. Они не садились за еду вместе с мужчинами.

По-иному сложились отношения между мужчинами и женщинами у коряков. Жена имела право голоса в решении семейных вопросов. Избиение жены было редким явлением. Даже замужние женщины находились под защитой своих родственников. Большим почетом пользовалась многодетная мать. После смерти мужа она могла стать главой семьи.

В семьях чукчей женщина также играла важную роль при принятии решений. Если хозяин отсутствовал, доминирующую роль в семье играла его жена. Замужняя женщина могла вернуться к родственникам, т. е. существовал развод как способ расторжения брака.

У коряков разводы совершались как по инициативе мужа, так и жены. Поводом могли послужить безнравственное поведение жены, плохое обращение со стороны мужа или его родственников, развал женой домашнего хозяйства.

В семье гольдов мать невесты жила первые две недели в доме жениха вместе с дочерью. Если обращение со стороны родни мужа было плохим, то тогда брак расторгался.

В больших патриархальных семьях существовало разделение хозяйственной деятельности на мужские и женские работы. Трудовая занятость мужчин зависела от вида основной деятельности (рыболовство, охота или оленеводство). К мужским занятиям относилась заготовка дров и обменные операции. Женский труд в семье аборигенов был не менее важен, чем мужской. Женщина занималась приготовлением пищи, уходом за детьми, выделкой шкур, изготовлением хозяйственной утвари и одежды. У кочевых народов женщины наравне с мужчинами ухаживали за оленями и водили караваны. Они содержали очаг и жилище. К чисто женским занятиям относилось собирательство дикоросов, орехов, ягод и морских моллюсков.

Аборигены широко использовали детский труд. С раннего возраста дети начинали выполнять посильную для них работу. Под руководством старших членов семьи они постепенно приобретали необходимые хозяйственные навыки.

Начиная с 5–6 лет мальчиков знакомили с рыбным промыслом, с наиболее удачными способами охоты на зверей. Они учились находить места для выпаса оленей, приобретали навыки обращения с собачьей или оленьей упряжкой. В хозяйственной деятельности дети помогали в кормлении собак, заготовке топлива и воды. В 12–13 лет мальчики могли полностью заменить взрослых при проведении отдельных видов хозяйственных работ.

В таких же традициях воспитывались девочки. С 5–6 лет они учились шить одежду, готовить пищу, ухаживать за младшими детьми. В 14–15 лет они могли выполнить все работы, свойственные трудовой деятельности взрослой женщины.

Кроме обучения трудовым навыкам, семья уделяла большое внимание воспитанию детей в духе уважения к старикам, которые пользовались особым почетом. Это уважение прививалось самой атмосферой внутрисемейных взаимоотношений. Дети с раннего возраста получали уроки традиционных норм поведения как в семье, так и в обществе.

Таким образом, характеризуя гендерный аспект внутрисемейных отношений дальневосточного аборигенного населения, следует отметить, что они были обусловлены историческим местом мужчины и женщины в экономической жизни семьи. Женщина была лишена самостоятельности при создании семьи и независимости в семейно-брачных отношениях. Она не имела право на хозяйство и имущество. Всем этим распоряжался мужчина.

Вместе с тем полным хозяином женщины мужчина не стал, так как у аборигенов был не развит институт частной собственности. Между мужчиной и женщиной устанавливалось определенное сотрудничество, поскольку в одиночку мужчина не мог

вести хозяйство. Роль женщины в его содержании была очень велика. Заключение брака у аборигенов напоминало сделку мужчины и женщины для совместного ведения хозяйства. Обычаи подчиняли жену не мужу, а его семье или кровнородственной общине.

Появление русских повлияло на общественное устройство коренных народов и их экономическую жизнь.

В конце XIX века хозяйство семьи аборигенов являлось полунатуральным. В результате колонизации региона в хозяйственной деятельности инородцев произошли заметные изменения. Появление товарно-денежных отношений способствовало дальнейшему разложению патриархально-родового строя. Семья перестала играть роль основной производственной ячейки, что привело к изменению внутрисемейных отношений, ослабило зависимость женщин от мужчин.

Ведущей тенденцией в семейно-брачных отношениях коренных народов стало увеличение численности малых семей, что способствовало уменьшению влияния на членов семьи существовавших стереотипов гендерных взаимоотношений, которые прививались в больших патриархальных семьях.

Вовлечение полунатурального хозяйства аборигенов в товарно-денежные отношения привело к разрушению первобытной замкнутости и изолированности коренных народов, сближению их культуры с более высокой культурой славянских народов.

Русификация коренного населения постепенно изменила гендерный аспект внутрисемейных отношений.

Библиографический список

1. *Каллиников Н. О.* Наш крайний Северо-Восток. СПб., 1912.
2. *Ким А. С., Кныш А. В., Лях П. П., Менделев Н. Г., Прасолова М. П., Смирнов Б. В.* Малочисленные этносы Приамурья. Хабаровск, 1993.
3. *Лопатин И. А.* Гольды: Амурские, Уссурийские и Сунгарийские. Владивосток, 1922.
4. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 430. Л. 5.